

Posudek doktorské práce Ilji Lemeškina

KATEGORIE VEŽESTVO / VĚŽLIVUMAS V RUSKÉ A LITEVSKÉ KULTURNÍ TRADICI.

Na základě eposu (byliny; K. Donelaitis) a starého písemnictví.

Disertační práce I. Lemeškina je novátorská z několika hledisek. Autor se zaměřil na kategorii *vežestva*, jejímuž významu nebyla taková soustředěná pozornost věnována ani v ruských bylinách, ani v tvorbě K. Donelajtise. Definice *vežlivyj* jako atributu hrdiny ruských bylin Dobryni byla chápána spíše jako nevýznamná, jako detail jeho charakteristiky. Interdisciplinární přístup, spojení jazyka, folkloru a dalších oblastí kultury rovněž nebyl na zmiňovaném materiálu dosud tak zevrubně uplatněn. A konečně, zcela nečekaný výběr srovnávaných děl dovolil autorovi nově se podívat na lexikální výpůjčku v „Ročních dobách“ (Временах года) a najít odezvu v obsahu těchto, jak by se mohlo zdát, zcela různých a vzdálených textů.

Soustředěná pozornost k definicím *vežlivyj/vežestvo*, jež se trvale spojují pouze s Dobryňou, práce s úplným kontextem bylin dovolily autorovi zdůvodnit rekonstrukci starého významu slov *veža*, *vežlivyj*. Tak autor zjišťuje příbuznost Dobryni a Volcha/ Vol'gi. Skutečně, ne náhodou se nejen ve slovanských a baltských jazycích lidé s magickými schopnostmi a vědomostmi označují synonymně, slovy odvozenými od slov „*vědět*, *znat*, *vidět*, *veščat*.“ K uvedeným názvům čarodějnic a zařikávačů (věďm a znacharej) lze ještě doplnit lidové termíny *volchvit/volchovit*, jež dosud používají ruští starověrci Litvy, a také nominaci *veštica*, zařikovanou u jižních Slovanů.

Jedince mající dar magických schopností a vědomostí (vědění) se badatelé snaží rozdělit na dobré a nebezpečné, a magii – na „bílou“ a „černou“. Takové dělení však není vždycky možné: zpravidla „čaroděj, který ruší kletbu (uřknutí, uhranutí)“, ničí jiného čaroděje (o tom se dozvídáme i v disertaci). I. Lemeškin považuje za rozhodující rozdíl mezi vrozeným a získaným (naučeným) *vežestvom* (str. 46). Proto se houževnatě snaží najít si v bylinách různý vztah k Dobryňovi a Volchovi/Vol'govi: první je populární postava, a druhý se stal jakoby *izgojem* (str. 53 a resumé disertace). Takové chápání se nám jeví jako poněkud zjednodušené. O popularitě postavy můžeme usuzovat jen na základě zapsaných textů. Proto záleží na aktuálnosti obsahu bylin v době jejich fixace. Jelikož se ústní tradice „řídí“ třemi velmi důležitými zákony, a to – zachováním kontinuity, variantností a výběrem, často se pak velmi vzácnými stávají archaická díla, která kdysi mohla být zcela populární, avšak jako živá pak vystupují pozdější díla nebo ta, jejichž struktury byly pozměněny v souladu s dobovými požadavky. Vztah k čarodějům a bájeslovným bytostem, jež se pomocí kouzel dokázali přeměnit ve zvíře či věc (oboroťen), se rovněž měnil; lze to vysledovat na materiálu různých žánrů folklóru. K lidem, kteří měli zvláštní znalosti a schopnosti, se ostatní vždycky chovali s úctou, ale přitom se jich i obávali. Negativní vztah se stal dominantním z několika důvodů; těmito důvody jsem se zabývala při studiu litevských pověstí.

Analýza vývoje starých děl se neomezuje jen na bádání v rámci daných textů, ale čerpá i prvky z jiných děl. V bylině „Vol'ga a Mikula“ se Vol'ga naučil různým chytrým trikům, ale nepoužívá je. Jestliže textový prvek není logicky spjat s jinými prvky jeho struktury, vždy to signalizuje potenciální spojitost s více texty nebo přenesení prvku z jiného díla. V uvedené bylině se Vol'ga nejspíš nevysmívá, jak tvrdí I. Lemeškin (str. 53), ale vyvyšuje se oráč, který má zcela zřetelné rysy velikána (toto zjištění bylo učiněno Ju. Novikovem v jeho studii). Důvody proč oráč vyniká ne nad osamělým bohatýrem, ale nad vůdcem družiny či nad celou družinou, nám mohou osvětlit lidové pověsti. V nich se odráží

představy o změnách ve vývoji člověka na Zemi: kdysi tu byli velikáni (obři), které pak vystřídali lidé. Obrovo dítě vložilo do palce své rukavice orače s voly a odneslo tyto „brouky“ ukázat svému otci. V kontextu byliny „Vol'ga a Mikula“ je představa o Vol'govi jako o obyčejném knížeti zřejmě důležitější, než informace o jeho „chytračení.“

Je nutno zmínit, že koncepce doktoranda týkající se příbuznosti Dobryni a Volcha/Vol'gi by byla ještě přesvědčivější, kdyby autor nezamlčel fakt, že schopnost některých bytostí přeměňovat se ve zvířata či věci a využívání magie jsou charakteristické i pro řadu jiných postav z bylin (Roman Mitrijevič se umí změnit v hranostaje a vránu, Ilja Muromec a Ivan Godinovič zařikávají střely, Aljoša Popovič se obrací k Bohu a vyvolává dešť apod.).

Druhý starý význam *věžestva* Dobryni jako vědoucí a správně konající postavy autor odhaluje taktéž zcela přesvědčivě. Je nesporné, že taková vlastnost je pro Dobryňu více charakteristická než pro jiné postavy. Přesto vzniká dojem, že se autor zbytečně snaží klást do protikladu Dobryňu a ostatní epické hrdiny. Zamlčuje, když se Dobryňa nechová v souladu s představou autora, nehovoří o prozíravých činech jiných bohatýrů. Je zbytečné spekulovat o tom, jak by se zachovali Ilja nebo Aljoša v případě, že by *oni* byli na svatbách svých žen (str. 71-72). Svoje právo na nevěstu jsou nuceni poměrně často hájit pohádkoví hrdinové. Přicházejí na svatbu jimi zachráněné princezny (královny) a samozvaného ženicha, avšak nezacházejí ve svém chování nikdy do krajnosti. Buď naznačují, že je nezbytné ověřit pravdivost důkazů, prezentovaných soupeřem, nebo předkládají svoje důkazy. Důležitou úlohu hraje prostředek identifikace hrdiny (prsten darovaný princeznou, šátek, jimž král nebo jeho dcera zavázali ránu záchrance, apod.). Stejně diplomaticky postupuje i sestra, žena nebo nevěsta, jejíž místo zaujala jiná žena. Neuvážené, krajní jednání ve folkloru Litevců či analogických dílech jejich sousedů jsme nezaznamenali (nemůžeme však tvrdit, že se nevyskytuje v písních-eposech).

S koncepcí, že Dobryňa je bohatýr, jenž ví, jak je třeba se chovat, autor spojuje i etymologii jeho jména; kořen *dobr* usouvztažňuje s litevským *dabar* a činí závěr, že Dobryňa znamená současný/sovremennyj (str.55). Je zvláštní, že se autor nepodíval, co se ve folkloru označuje slovem *dobryj/dobryj*. V ruských bylinách *dobryj kon'* - je takový kůň, který řeky i jezera přeskakuje apod., tzn. že se jako kůň vyznačuje ideálními vlastnostmi. V pohádkách *dobroje slovo* znamená moudrou radu (např. pomstu odlož na zítřek). V litevských písních *dobryje ljudi (geri žmonės)* jsou takoví lidé, kteří mají rovné cesty, krásná pole.

Jméno Dobryňa bylo na Rusi populární: pouze v jediném zdroji – v dodatku k „Istoriji gosudarstva Rossijskogo“ N.M. Karamzina – v „Ključech ili alfavitnom ukazatele, sostavlenom P.S.Strojevim“ (Moskva, 1988), se uvádí devět osob se jménem *Dobryňa*; žili v Kyjevě, Novgorodě, Suzdali, Haliči a na jiných územích Ruska. Velmi zajímavá jsou jména nebo příjmení ze dvou slovních základů: *Dobrogostij*, *Dobroděja*, *Dobroslav*, dokonce *Dobrogněva*. V jihoslovanských mytologických písních se krasavice, do níž se zamilovalo dokonce Slunce, jmenuje *Dobrinka*. Slovtvorné paralely se jménem Dobryňa lze najít v ruských pohádkách: *Usyňa* přenáší hory. Domíváme se, že tyto skutečnosti pomohou osvětlit etymologii jména bohatýra, a tím ještě výrazněji podpoří doktorandovu koncepci.

Ve druhé části doktorské práce I. Lemeškina je prezentována nejen znalost Donelajtisovy tvorby, ale i sekundární literatury. Shoda druhého starého významu slova *vėžlyvij* v bylinách a výpůjčky *viežlybas/i* v poemě K. Donelajtise je přesvědčivě dokázána. Máme jen nepatrné pochybnosti co se týče tvrzení autora, že převzaté slovo je velmi populární v litevštině. Doktorand uvádí 24 výpůjček z litevského písemnictví 16.-18. st.; pouze 2 příklady pocházejí z 19. století. Dva příklady jsou objeveny v lidových písních, zapsaných V. Kalvajtisem na Malé Litvě na přelomu 19.-20.st. Neexistuje ani jeden příklad ze živého/hovorového litevského jazyka, ačkoli autor tvrdí, že pracoval i s rukopisnými zdroji Ústavu litevského jazyka (mimořádně, tyto a další rukopisné prameny jsou v příloze k práci uvedeny nepřesně). Takže autor nemá zatím dostatek údajů k tomu, aby mohl tvrdit, že

vypůjčka –, je velmi úspěšný *vostočnoslavjanizm*“ (str. 103) nebo že je populární dokonce „na úrovni pesennoj frazeologii.“

Naděje autora najít hledané slovo v rukopisech litevské lidové prozaické tvorby jsou marné. V pohádkách a pověstech se na kladných a záporných příkladech ilustrují pravidla chování lidí, ale činy, jednání hrdinů v základních syžetech nejsou osvětleny. O správném chování, konání hrdinů můžeme usuzovat z výsledného střetu s antipodem (záporným hrdinou). Proto je v textech tak málo přídavných jmen (u litevských příkladů vypůjčka dominuje jako přídavné jméno), a dokonce i ta jsou často substantivizována (např. *staryj – starik, bednyj – bednjak*). V malém počtu se vyskytují i přídavná jména v ruské lidové próze. Proto je mimořádně zajímavé, že kategorie *věžestva* se v různých formách objevuje v ruských epických písních.

Naše připomínky a návrhy nesnižují hodnotu doktorské práce I. Lemeškina. Především bychom chtěli mladému badateli připomenout, že ve vědě je nutno neustále pochybovat, a ani kategoricky vyřčené soudy (*bessporno, nesomnenno*) bez argumentů přesvědčivost tvrzení nezvýší. Doufám, že při přípravě práce k tisku (což si disertace zaslouhuje) autor odstraní některé přemrštěné výroky, zbytečná opakování a třeba posílí argumentaci.

Celkově posuzovaná disertace Ilji Lemeškina „*Kategorie věžestva/ viežlyvumas* v ruské a litevské kulturní tradici...“ působí velmi dobře, vyznačuje se vysokou odborností, originalitou. Autor si za ni zaslouhuje udělení vědeckého titulu PhD.

06.01.2006

Prof. Dr. Bronislava Kerbelite
Katedra etnologie a folkloristiky
Univerzity Vitautase Velikého (Kaunas,
Litva)

Z jazyka ruského
Přeložila Věra Lempelova (ÚSVS FF UK)

I. Lemeškin

Отзыв
о диссертации Ильи Лемешкина
«Kategorije vežestvo / *viežlyvumas* v ruske a litevske kulturni tradici. Na zaklade eposu
(byliny; K.Donelaitis) a stareho pisemnitstvi»

Диссертация И. Лемешкина новаторская в нескольких отношениях. Автор обратился к категории вежества, значение которой столь пристально не изучалось ни в русских былинах, ни в творчестве К. Донелайтиса. Определение былинного богатыря Добрыни *вежливый* воспринималось скорее как незначительная деталь характеристики. Междисциплинарный подход, соединение данных языка, фольклора и других областей культуры так последовательно на упомянутом материале также не осуществлялся. Наконец совершенно неожиданный выбор сравниваемых произведений позволил автору по-новому посмотреть на лексическое заимствование во «Временах года» и найти переклички даже в содержании этих казалось бы совершенно различных и далеких текстов.

Пристальное внимание к определениям *вежливый*, *вежество*, которые устойчиво соотносятся только с Добрыней, учет всего контекста былин позволили автору обосновать реконструкцию древнего значения слов *вежа*, *вежливый*. Таким образом, автор устанавливает сходство возможностей Добрыни и Волха / Вольги. Действительно, не случайно не только в славянских и балтийских языках наделенные магическими способностями и знаниями люди называются синонимами, производными от слов «ведать, знать, видеть, вещать». К перечисленным автором названиям ведьм и знахарей можно добавить народные термины *волхвит* / *волховит*, до сих пор употребляемые русскими староверами Литвы, и зафиксированное у южных славян название *вештица*.

Людей, обладающих магическими способностями и знаниями, исследователи мифологии пытаются делить на добрых и опасных, а магию на «белую» и «черную». Однако такое деление далеко не всегда возможно: как правило, «снимающий порчу» колдун портит другого чародея (об этом сказано и в диссертации). И. Лемешкин считает существенным различие врожденного и выученного *вежества* (с. 46). Поэтому он упорно ищет в былинах различного отношения к Добрыне и Волху / Вольге: первый популярный персонаж, а второй якобы стал *изгоем* (с. 53 и в резюме диссертации). Такое понимание представляется несколько упрощенным. О популярности персонажа можно судить лишь на основе записанных текстов. Поэтому она зависит от актуальности содержания былин в пору их фиксации. Поскольку устной традицией «управляют» три важнейших закона – преемственность (континуитет), варьирование и отбор, редкими зачастую становятся архаичные произведения, которые некогда могли быть весьма популярными, а активнее бытуют более поздние или те, структуры которых были изменены в соответствии с требованиями времени. Отношение к колдунам и оборотням также менялось; это можно проследить на материале разных жанров фольклора. К людям, которые обладали особыми знаниями, всегда относились с уважением, но и настороженно. Негативное отношение стало доминирующим по нескольким причинам; нами они изучались на материале литовских сказаний.

Развитие древних произведений - это не только их переосмысление, но и использование элементов других произведений. В былине «Вольга и Микула» Вольга научился всяким хитростям, но их не применяет. Когда элемент текста логически не связан с другими элементами его структуры, это всегда сигнализирует о возможном соединении произведений или перенесении фрагмента из другого произведения. В названной былине скорее не высмеивается Вольга, как утверждает И. Лемешкин (с. 53), а возвеличивается пахарь, у которого весьма отчетливо проступают черты великана (это раскрыто в статье Ю. Новикова). Почему пахарь превосходит не богатыря-одиночку, а предводителя дружины и всю его дружину, могут объяснить народные предания. В них отражается представление о смене поколений жителей земли: некогда были великаны, им

на смену пришли люди. Дитя великана поместил пахаря и волов в большой палец своей рукавицы и понес «жуков», чтобы показать отцу. Видимо, в контексте былины «Вольга и Микула» представление о Вольге как об обычном князе важнее, нежели информация о его «хитростях».

Необходимо отметить, что концепция диссертанта о родстве Добрыни и Волха / Вольги была бы еще убедительнее, если бы автор не умолчал о том, что оборотничество и применение магии характерно и для ряда других былинных персонажей (Роман Митриевич умеет превращаться в горностаю и ворона, Илья Муромец и Иван Гоудинович заговаривают стрелы, Алеша Попович обращается к Богу и вызывает дождь и т.д.).

Второе древнее значение *вежества* Добрыни как знающего и правильно поступающего персонажа автор раскрывает также вполне убедительно. Очевидно, что такое качество Добрыне характерно больше, нежели другим богатырям. Все-таки создается впечатление, что автор излишне стремится противопоставить Добрыню и остальных эпических героев. Он умалчивает факты, когда Добрыня поступает не в соответствии с представлением автора, не говорит о предусмотрительных действиях других богатырей. Излишне гадать, как бы поступил Илья или Алеша, если бы они явились на свадьбы своих жен (с. 71 – 72). Свои права на невесту довольно часто должны отстаивать герои сказок. Они приходят на свадьбу спасенной ими королевны с самозванцем и никогда не действуют «напролом». Они или подсказывают, что необходимо проверить истинность представленных соперником доказательств его подвига, или предъявляют свои доказательства. Важную роль играет средство идентификации героя (подаренное королевной кольцо, платок, которым король или его дочь завязали рану спасителя, и т.д.). Также дипломатично поступает и сестра, жена или невеста, место которой заняла другая женщина. Действий «напролом» в литовском фольклоре и в аналогичных произведениях соседей мы не обнаружили (мы не смеем утверждать, что этого нет в песенных эпосах).

С концепцией, что Добрыня – богатырь, знающий как надо поступать, автор увязывает и этимологию его имени; корень *добр* он соотносит с литовским *dabar* и делает вывод, что Добрыня означает *современный* (с. 55). Странно, почему автор не посмотрел, что в фольклоре определяется словом *добрый*. В русских былинах *добрый конь* – это тот, который *реки и озера перескакивает* и пр., т.е. обладает идеальными для коня качествами. В сказках *доброе* слово – это мудрый совет (напр., месть отложи на завтра). В литовских песнях *добрые люди* (*geri žmonės*) те, у которых прямые дороги, красивые посева.

Имя Добрыня было популярно на Руси: только в одном источнике – в приложенном к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина «Ключе или алфавитном указателе, составленном П.М. Строевым» (Москва, 1988) перечислено девять лиц по имени *Добрыня*: они жили в Киеве, в Новгороде, Суздали, Галиче и в других землях Руси. Очень интересны имена или прозвища из двух основ: *Доброгостий*, *Добродея*, *Доброслав*, даже *Доброгнева*. В южнославянских мифологических песнях красавицу, в которую влюбилось даже Солнце, зовут *Добринка*. Словообразовательные параллели к имени Добрыни можно найти в русских сказках: *Усыня* при помощи усов создает ветер или холод, *Горыня* сворачивает горы. Нам представляется, что эти данные помогут выяснить этимологию имени богатыря, которая только укрепит концепцию диссертанта.

Во второй части диссертации И. Лемешкин демонстрирует знание не только творчества К. Донелайтиса, но и исследований о нем. Совпадение второго древнего значения слова *вежливый* в былинах и заимствования *viežlybas / i* в поэме К. Донелайтиса показано вполне убедительно. Наши сомнения вызывают лишь утверждение автора, что заимствованное слово очень популярно в литовском языке. Диссертант приводит 24 примера из литовской письменности 16 – 18 вв.; лишь два примера относятся к 19 в. Два случая найдены в народных песнях, записанных В. Калвайтисом в Малой Литве на рубеже 19 и 20 веков. Нет ни одного примера из живого / разговорного литовского языка, хотя автор утверждает, что пользовался и рукописными источниками Института литовского

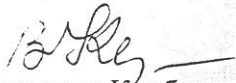
языка (кстати, эти и другие рукописные источники в приложенном к диссертации списке названы неточно). Так что автор пока не располагает достаточными данными, чтобы утверждать, что заимствование – «чрезвычайно успешный восточнославянизм» (с. 103) или что оно популярно даже «на уровне песенной фразеологии».

Надежды автора найти искомое слово в рукописях литовской народной прозы тщетны. В сказках и сказаниях на положительных и отрицательных примерах иллюстрируются правила поведения людей, но поступки героев элементарных сюжетов не поясняются. О правильности поступка героя можно судить по результату столкновения с антиподом. Поэтому в текстах очень мало прилагательных (в литовских примерах заимствование доминирует как прилагательное), да и те обычно субстантивируются (напр. старый – старик, бедный – бедняк). Прилагательных мало и в русской народной прозе. Поэтому чрезвычайно интересно, что категория *вежества* в разных формах представлена в русских эпических песнях.

Высказанные мною сомнения и предложения не снижают научной ценности диссертации И. Лемешкина. В первую очередь мы хотели напомнить молодому исследователю, что в науке обязательно сомневаться, а даже в самой категоричной форме (*бесспорно, несомненно*) высказанные суждения без аргументов убедительности не усиливают. Надеюсь, что при подготовке работы к печати (диссертация этого достойна) автор устранил некоторые натяжки, ненужные повторы и, возможно, усилит аргументацию.

В целом диссертация Ильи Лемешкина «Kategorije вежество / *viežlyvumas* v ruske a litevske kulturni tradici. Na zaklade eposu (byliny; K.Donelaitis) a stareho pisemnitstvi» производит благоприятное впечатление, отличается высоким научным уровнем, самостоятельностью суждений. За ее подготовку автор заслуживает присуждения ему искомой научной степени.

06 01 2006

Проф., д-р Бронислава Кербелите
Кафедра этнологии и фольклористики
Университета Витаутаса Великого (Каунас, Литва)